

Говард Филлипс Лавкрафт

Холод

(Cool Air)

Вы хотите знать, отчего я терпеть не могу сквозняков, почему мне становится не по себе на пороге холодной комнаты и тошнота подступает к горлу, когда теплый осенний день сменяется вечерней прохладой? Вы не ошибетесь, если скажете, что я ненавижу холод точно так же, как другие не переносят дурные запахи. Но чтобы вам было все понятно, я хочу поведать одну весьма жуткую историю, оставляя за вами право решать, насколько эта история объясняет упомянутую странную особенность моей психики.

Заблуждаются те, кто связывает все кошмары и ужасы исключительно с мраком, безмолвием и одиночеством. Ошибочность такого взгляда открылась мне в сиянии полуденного солнца, в грохоте и шуме большого города, среди жильцов самых обыкновенных меблированных комнат с самой заурядной домовладелицей. А началось все весной 1923 года, когда я устроился на работу в один из нью-йоркских журналов. Работа была столь же скучной, сколь и низкооплачиваемой, и это последнее обстоятельство заставляло меня переезжать с места на место в поисках не очень дорогой, но достаточно чистой и сносно обставленной комнаты. Наконец, после долгих мытарств, я обосновался в доме на Четырнадцатой Западной улице, показавшемся мне наименее отвратительным обиталищем из числа осмотренных.

Этот четырехэтажный каменный особняк, внутри отделанный мрамором и резным деревом, некогда, возможно, впечатлял обывателей своей пышностью и великолепием, но сейчас мог служить разве что образцом безвкусицы. В просторных комнатах с нелепыми обоями на стенах и вычурной лепниной под высокими потолками царил затхлый дух, к которому постоянно примешивались отвратительные кухонные запахи. Зато полы в помещениях были чистыми, постельное белье менялось более-менее регулярно, а горячая вода довольно редко отключалась и была действительно горячей, так что я считал это место вполне пригодным для проживания до той поры, когда смогу снимать более приличное жилье. Хозяйка дома — неряшливая, с заметной бородкой, испанка по фамилии Эрреро — не докучала мне болтовней и попреками за горящий допоздна свет в моей комнате на третьем этаже, окнами на улицу; соседи, тихие и необщительные испанцы из самых низов, тоже меня вполне устраивали. Единственным серьезным неудобством был постоянно доносившийся с улицы шум городского транспорта.

Первый странный инцидент в цепи последовавших за тем невероятных событий произошел на исходе третьей недели моего пребывания в этом доме. Однажды вечером я внезапно услышал, что где-то в комнате капает, и почти одновременно с этим отчетливо ощутил едкий запах нашатыря. Взглянув вверх, я заметил в углу на потолке влажное пятно. Желая выяснить причину происшествия, я поспешил к хозяйке и, рассказав ей о постигшей меня неприятности, услышал в ответ заверения в том, что все будет уложено.

— Это все доктор Муньос, — ворчала сеньора Эрреро, поднимаясь по лестнице. — Он, конечно, опять пролил химикалий. Он есть так болен и слаб — кто бы его сам лечил, он ведь все больше и больше слабый, — но он не хочет никто ему помогать. У него есть такой странный болезнь — он целый день принимает ароматная ванна, и он нельзя тревожить и нагревать. Он сам ухаживает свой квартира, его маленький комната весь занят бутылки и машинки — он сейчас не доктор, он никто не лечит. Но он все равно был большой доктор — мой папа слышал о нем в Барселона, — и он совсем недавно вылечил рука у один водопроводчик, когда он стал болеть. Он никуда не выходит, только на крыша, а мой сын Эстебан приносит его еда, белье, лекарство и химикалий. Господи, опять этот нашатырь, который он холодит себя, да!

Сеньора Эрреро устремилась на четвертый этаж, а я вернулся в свою комнату. Капли перестали падать с потолка; затерев лужу на полу и распахнув окно, чтобы проветрить комнату, я услышал у себя над головой тяжелую поступь. Несомненно, это были шаги сеньоры Эрреро, ибо обычно сверху не доносилось никаких звуков, за исключением шума некоего работающего механизма. Несколько последующих дней я лениво размышлял о странной болезни жильца наверху. По правде сказать, его упрямое нежелание принимать постороннюю помошь показалось мне поначалу довольно странным, но, немного поразмыслив, я решил, что это всего-навсего эксцентричная причуда привыкшего к долгому уединению человека.

Я бы, наверное, так никогда и не познакомился с доктором Муньосом, если бы однажды утром со мной не случился сердечный приступ. Зная, что медлить нельзя ни минуты, и вспомнив рассказ сеньоры Эрреро о врачебном искусстве одного из своих постояльцев, я, превозмогая слабость, поднялся этажом выше и постучал в дверь доктора. В ответ откуда-то справа послышался довольно странный голос, обладатель которого на правильном английском языке спросил, кто я такой и что мне надо, после чего распахнулась дверь, но не та, в которую я стучался, а соседняя.

Поток неожиданно холодного воздуха хлынул на меня, и я почувствовал сильный озноб — несмотря на то, что за окнами стояло жаркое летнее утро. Квартира, в которую я попал, поражала своей богатой, со вкусом подобранный обстановкой, резко контрастировавшей с убогим убранством других помещений дома. Складная кушетка, занимавшая место софы, мебель красного дерева, роскошные портьеры, картины старых мастеров и полки, тесно уставленные книгами, — все это делало квартиру похожей скорее на апартаменты джентльмена, нежели на обычную спальню в меблированных комнатах. Помещение, должное выполнять роль прихожей, было переоборудовано доктором под лабораторию, о которой упоминала сеньора Эрреро: то была маленькая комната, заполненная всевозможными склянками и приборами. Примыкавшая к ней комната побольше была, скорее всего, жилой, но все предметы домашнего обихода и одежда были скрыты от посторонних глаз в шкафах и просторной ванной комнате. Несомненно, доктор Муньос отличался хорошим воспитанием и по этой причине не желал выставлять напоказ материальную сторону своего бытия.

Небольшого роста и весьма пропорционального сложения, доктор был одет в великолепно скроенный и пошитый, однако чересчур официальный для дома костюм. Породистое лицо с властным, хотя и не надменным выражением было окаймлено

коротко остриженной седой бородой, большие темные глаза за стеклами старомодного пенсне придавали ему некоторое сходство с мавром; в целом же черты его были скорее кельтскими. Густые волосы, аккуратно уложенные над высоким лбом, свидетельствовали о регулярных визитах парикмахера. В общем, все в облике доктора Муньоса наводило на мысль о его принадлежности к аристократическим слоям общества.

Тем не менее в первую минуту внешность доктора вызвала у меня совершенно неожиданную антипатию. Конечно же, оттенок зловещей синевы на его лице и пронзительный холод протянутой мне руки вполне могли стать основанием для подобных чувств, хотя этим недостаткам вполне можно было найти оправдание, вспомнив о болезни доктора. Скорее всего, доктор Муньос был здесь ни при чем, а отвращение у меня вызвал холод — столь подозрительная для такого жаркого дня ледяная свежесть показалась слишком уж необычной, а всякие отклонения от нормы, как правило, пробуждают в моей душе отрицательные эмоции.

Однако антипатия быстро уступила место восхищению высочайшим искусством этого странного врачевателя — его холодные как лед, слегка подрагивавшие руки уверенно возвращали меня к жизни. Между делом доктор рассказал мне целую историю о том, как он однажды объявил себя непримиримым врагом смерти и посвятил борьбе с нею всю свою жизнь, в конечном счете растеряв последних друзей и поломав блестящую карьеру.

«Благородный фанатик», — подумал я, глядя на него. В течение нескольких минут он прослушивал мои легкие и сердце, а затем ушел в свою лабораторию и вскоре вернулся оттуда с какой-то микстурой, которую и дал мне выпить. Все это время он не переставал разговаривать со мной; очевидно, люди моего круга давно уже не бывали его гостями, и теперь, произнося этот монолог, он мысленно возвращался к лучшим годам своей жизни. В то же самое время его хорошо поставленный голос звучал неестественно глухо, без каких бы то ни было интонационных оттенков, и так ровно, что я даже не смог различить вдохов.

— Не беспокойтесь о своем слабом сердце, — говорил доктор. — Важно, чтобы у вас была сильная воля, ибо воля и сознание превыше органической жизни, и если изначально здоровую телесную оболочку тщательно законсервировать и сохранить в ней упомянутые мною качества, тело будет продолжать жить, несмотря на дефекты каких-либо органов или даже полное их отсутствие. Вы можете жить или по крайней мере вести осознанное существование, даже совсем не имея сердечной мышцы! Что касается меня, то целый букет болезней не позволяет моему организму существовать при нормальной температуре. Потому я и вынужден жить в пространстве, где поддерживается постоянный холод. А нагрейся эта комната всего на несколько градусов и продлилось это хотя бы пару часов, как я тут же умру. Ведь мой организм нормально функционирует лишь при 55–56 градусах Фаренгейта, а для поддержания такой температуры нужно, чтобы система охлаждения работала исправно, как часы. — Тут он указал на аммиачную холодильную установку с бензиновым двигателем. Именно его шум я часто слышал в своей комнате.

Я был исцелен с чудесной быстротой и покинул холодную квартиру доктора в полном

восторге как от него самого, так и от его необычных идей. После этого случая я стал у него частым гостем. Правда, визиты приходилось наносить, одеваясь в теплое пальто, но это никак не мешало мне внимать пространным рассказам моего соседа об исследованиях, которые он проводил в глубочайшей тайне, и об их потрясающих воображение результатах. С дрожью в руках и с душевным трепетом перелистывал я страницы неправдоподобно древних фолиантов, теснившихся на его книжных полках. Что же до моего сердечного недуга, то от него я избавился окончательно и бесповоротно, пройдя у доктора короткий, но весьма эффективный курс лечения. Его концепции и методы были удивительны, если не сказать уникальны. В отличие от врачей, с которыми я имел дело до недавнего времени, доктор Муньос не относился с гневом и презрением к так называемому шарлатанству средневековых врачевателей и алхимиков, а, напротив, считал, что все зашифрованные ими формулы скрывают в себе некие психологические стимулы, должны оказывать влияние на те или иные субстанции нервной системы, в которых уже прекратились органические пульсации. С большим интересом слушал я повествование доктора о его коллеге, докторе Торресе из Валенсии, который принимал участие в ранних экспериментах моего собеседника и излечил его от тяжелой болезни, приключившейся с ним восемнадцать лет тому назад. Болезнь эта не прошла, однако, бесследно — с нее и начались все нынешние недуги доктора Муньоса, от коих он ныне спасался столь необычным способом. Доктор же Торрес недолго праздновал победу — вскоре после излечения своего коллеги он сам пал жертвой коварного врага, повергнутого им незадолго до того в битве за жизнь единомышленника. По всей вероятности, это была страшная битва; перейдя к рассказу о ней, доктор Муньос понизил голос до шепота и сообщил — не вдаваясь, однако, в подробности, — что методы исцеления были весьма и весьма неординарны и уж никак не получили бы одобрения со стороны старых консерваторов — последователей Галена.

Регулярно общаясь с доктором, я с некоторых пор стал сожалением замечать, что мой новый друг медленно, но верно угасает физически. Синева его лица заметно усилилась, голос звучал уже настолько глухо, что понять его речь можно было лишь с большим трудом, движения и жесты, еще совсем недавно отточенные и элегантные, стали неуверенными и суетливыми. Но неприятнее всего было наблюдать за тем, как его ум постепенно утрачивал присущие ему некогда живость и гибкость. Сам доктор, казалось, не замечал происходивших с ним перемен, чего никак нельзя было сказать обо мне; мало-помалу выражение его лица и темы его бесед стали раздражать меня и пробуждать в душе антипатию, подобную той, что ненадолго возникла у меня во время первого знакомства.

У него появились совершенно необъяснимые причуды; ему вдруг понадобились экзотические специи и египетские благовония, так что вскоре его комната стала издавать ароматы, невольно напоминавшие о склепах с захоронениями фараонов в Долине Царей. Кроме того, доктор с моей помощью внес некоторые изменения в конструкцию компрессора и привода холодильной установки, а также увеличил длину трубок, по которым перегонялся аммиак. Он успокоился лишь тогда, когда температура воздуха в его комнате приблизилась к точке замерзания воды, а потом и вовсе опустилась ниже этой отметки. Только в ванной и в лаборатории поддерживалась более высокая температура, да и то только для того, чтобы не замерзала вода и не замедлялись

химические реакции. Его сосед по этажу стал жаловаться на холод, проникавший из квартиры доктора через смежную дверь, и мне пришлось установить на ней дополнительные уплотнения. В последнее время доктор беспрестанно говорил о смерти, однако любые упоминания о похоронах и прочих подобных ритуалах вызывали у него жуткий катаринский хохот.

Что и говорить, он становился весьма неприятным собеседником, и все же, испытывая в душе благодарность за ту помощь, которую он offered мне в свое время, я не решался бросить его на произвол судьбы. Каждый день я заходил к нему и приводил в порядок комнату и лабораторию. Покупки для него тоже делал я; но если с продуктами дело обстояло довольно просто, то формулы многих химических веществ, которые он заказывал, приводили аптекарей в явное замешательство — они ума не могли приложить, для кого и для чего могли вдруг понадобиться такие препараты.

Постепенно вокруг квартиры доктора Муньоса сгустилась атмосфера необъяснимого ужаса. Из комнаты и лаборатории постоянно исходило жуткое зловоние, распространявшееся по всему дому. Специи и ароматические вещества больше не могли заглушить отвратительного запаха неизвестных химикалий, которые доктор использовал для своих ванн — он принимал их чуть ли не ежечасно, неизменно и категорически отвергая все мои предложения о помощи. Видимо, эти процедуры были одним из средств борьбы против его таинственного недуга. Сеньора Эрреро, проходя мимо квартиры доктора, всякий раз крестилась и, запретив своему сыну Эстебану даже приближаться к злополучным апартаментам, переложила все заботы о загадочном постояльце на мои плечи. Как-то раз, когда я предложил доктору воспользоваться услугами других врачей, он пришел в неописуемую ярость и, наверное, растерзал бы меня на куски, если бы не опасался пагубного влияния отрицательных эмоций на свой дряхлеющий организм. И все же, невзирая на полный упадок физических сил, воля и сознание доктора скорее укрепились, нежели ослабли, — так, после той изнурительной для него вспышки гнева он решительно отказался лечь в постель, не обращая ни малейшего внимания на мои настойчивые увещевания. В первые дни нашего знакомства он был спокоен и даже апатичен; но сейчас от былой апатии не осталось и следа: казалось, доктор бросает вызов демону смерти в своем бешеном и необузданном стремлении повергнуть врага, даже будучи схваченным им за горло. Он уже больше не делал вида, что принимает приносимую ему пищу (впрочем, я давно понял, что все его трапезы — не более чем безыскусная имитация нормальной жизнедеятельности человеческого организма), и от полного разрушения доктора спасала только недюжинная сила его воли и интеллекта.

С некоторых пор он взялся составлять какие-то странные документы, которые тщательно запечатывал и отдавал мне, поручая отправить их после его смерти по тем или иным адресам, большей частью в Индию. Среди его адресатов значился также один знаменитый врач-француз, которого все считали давным-давно умершим и о котором ходили самые невероятные слухи. После того, что случилось, я сжег все эти документы, никуда их не отправив и не прочтя ни одного из них. Он ужасно сдал за последнее время — его внешность и голос вызывали ужас даже у меня, и я чувствовал себя весьма неуютно, оставаясь с ним наедине. В один из сентябрьских дней я вызвал в его квартиру электрика — нужно было починить настольную лампу, — но при виде доктора бедняга

рухнул на пол и забился в эпилептическом припадке. Руководствуясь указаниями, которые доктор давал мне, не выходя из-за портьеры, я сумел привести его в чувство. Позднее электрик дрожащим шепотом сказал мне, что, пройдя все ужасы мировой войны, он ни разу не испытывал подобного потрясения.

Миновала уже середина октября, когда произошла внезапная и чудовищная развязка. Однажды вечером, часов около одиннадцати, сломался насос холодильной установки, и уже через три часа температура воздуха в комнате доктора поднялась до катастрофически высокой отметки. Услышав у себя над головой отчаянный, призывающий на помощь стук, я поднялся наверх и без лишних слов принялся чинить поломку, в то время как доктор носился по комнате, непрерывным потоком изрыгая чудовищные проклятья. Мои жалкие дилетантские попытки не возымели успеха, и пришлось позвать на помощь механика, коротавшего ночь в гараже по соседству. Однако и он ничего не смог сделать, посоветовав подождать до утра, когда можно будет раздобыть новый поршень. Ярость и страх переполняли обреченного затворника настолько, что казалось, вот-вот разорвется его и без того хрупкая телесная оболочка. В очередном приступе бешенства доктор закрыл глаза руками и ринулся в ванную, сметая все на своем пути. Спустя некоторое время он вышел оттуда с плотной повязкой на лице, и я вдруг подумал, что никогда больше не увижу его глаз...

В комнате стало совсем тепло, и где-то около пяти часов утра доктор снова удалился в ванную, отдав мне распоряжение собрать весь имевшийся в ближайшихочных аптеках и кафетериях лед. Я тут же убежал на поиски льда; вернувшись некоторое время спустя и оставив все, что сумел раздобыть, у двери ванной комнаты, я услышал доносившийся оттуда на фоне беспрестанного плеска воды низкий каркающий голос доктора: «Еще! Еще!» Уже наступило утро, лавки и магазины открывались один за другим. Я поймал Эстебана и предложил ему либо подносить лед в квартиру доктора, либо искать исправный поршень для насоса, поскольку не мог делать два дела одновременно; однако Эстебан, получивший на этот счет строгие инструкции от своей матери, наотрез отказался помочь мне.

В конце концов я нанял человека, которому поручил все заботы по доставке льда, а сам занялся поисками поршня и специалиста, способного его установить. Никогда еще собственное бессилие в решении, казалось бы, простой задачи не приводило меня в такое исступленное состояние. Я почти физически ощущал неумолимое течение времени, когда безрезультатно звонил по телефону и лихорадочно метался по всему городу в бесплодных попытках сделать хоть что-нибудь. Около полудня мне наконец удалось найти подходящую мастерскую, но она располагалась в отдаленном пригороде, и я возвратился только в половине второго, привезя с собой необходимые принадлежности и двух механиков — крепких, толковых парней. В общем, я сделал все возможное и надеялся, что мои усилия не окажутся тщетными.

Но, едва переступив порог, я понял, что опоздал. Словно какой-то зловещий дух поселился в доме. Испуганные жильцы дрожащими руками перебирали четки, то ли пытаясь молиться, то ли в надежде отвлечься за этим занятием от чего-то неведомого и потому особенно страшного. Они сообщили мне, что из комнаты доктора с самого утра распространяется отвратительный запах и что нанятый мною человек сбежал; те же, кто

его видел, на всю жизнь запомнили его искаженное гримасой ужаса лицо и его же пронзительный, нечеловеческий вопль. Однако дверь, которую он в паническом бегстве оставил открытой, теперь была заперта изнутри. Из-за двери не доносилось ни единого звука, кроме размеренного стука капель.

Я наскоcо переговорил с сеньорой Эрреро и рабочими и, несмотря на царивший в моей душе страх, решился проникнуть в квартиру. Механики собирались было взломать дверь, но хозяйка принесла какое-то хитроумное проволочное приспособление, с помощью которого удалось повернуть торчавший изнутри ключ. Перед этим мы открыли двери всех остальных комнат на этаже и широко распахнули все окна. Совершив эти приготовления, мы зажали носы платками и проникли в квартиру.

В первый момент нас ослепило полуденное солнце. Спустя несколько секунд, когда глаза привыкли к яркому свету, мы разглядели на полу след — узкую полоску какого-то темного студенистого вещества, тянувшуюся из ванной комнаты до двери в прихожую, а оттуда в кабинет доктора, где на столе чернела небольшая круглая лужица, при виде которой по моему телу пробежала дрожь. Рядом с лужицей лежал клочок бумаги с оборванными самым невероятным образом краями — казалось, это сделала не человеческая рука, а когтистая лапа неведомого животного, и эта же лапа крупным, уродливо искаженным почерком нацарапала на листке несколько строк. От стола след шел к кушетке и обрывался там окончательно.

Что же я увидел на кушетке? И что там могло быть несколько минут тому назад? Я никогда не решусь ответить на эти вопросы со всей откровенностью. Скажу только, что разгадку увиденной мною жуткой картины я нашел в той самой записке, лежавшей на столе, — после чего зажег спичку и предал бумагу огню. Сеньора Эрреро и рабочие не обратили на это внимания — пораженные увиденным, они с криками выбежали из комнаты и помчались в полицейский участок сообщить об ужасном происшествии. Я остался в комнате один; за окном сияло яркое солнце, слышался шум машин и трамваев, запрудивших 14-ю улицу, и эта обыденная обстановка никак не вязалась с тем страшным признанием, которое содержалось в сожженном мною письме. Оно было совершенно невероятным, но тогда я поверил ему безоговорочно. Не знаю, верю ли я ему сейчас. Есть вещи, о которых лучше не размышлять, и я с полной определенностью могу сказать лишь то, что с тех пор не выношу запаха аммиака и едва не падаю в обморок от внезапного дуновения холодного воздуха.

«Конец близок, — гласило послание — Льда больше нет — человек заглянул в ванную и удрал. Становится все теплее и теплее, и ткани уже не выдерживают. Вы помните мою теорию о воле, нервах и консервации тела после прекращения работы органов? Хорошая теория, но в жизни так не может продолжаться бесконечно. Я не предусмотрел возможности постепенного разложения. Доктор Торрес знал об этом, но умер, не выдержав потрясения. Его рассудок отказался служить ему после того, как, прочитав мое письмо, он вытащил меня из могилы и вернул в мир живых. А что касается органов, то они все равно никогда бы не возобновили свою работу. Он следовал моей теории и сделал искусственную консервацию. Вы, наверное, поняли, что он вытащил меня из могилы в самом прямом смысле этого слова — ведь я умер еще тогда, восемнадцать лет назад».

Перевод: Евгений Мусихин, 1993 год